

## V. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 61; 930.1

Д.А. Балалыкин

### ЗАРОЖДЕНИЕ РАЦИОНАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ VI–IV вв. до н.э.

*Исследуется история античной медицины как один из этапов на общем пути естествознания к научной революции XVII в. Анализируя массив источников, автор формулирует тезис о том, что историки науки должны более внимательно анализировать теорию и практику врачей-натурфилософов в поисках точки отсчета рационального подхода к пониманию общей патологии и принципов лечения заболеваний. Этот момент является важным, так как в корпусе специальной литературы, посвященной истории естествознания, признается особое значение роли именно медицины на протяжении от VI в. до н.э. до III в., как наиболее динамично развивающейся естественнонаучной специальности. В этой связи современные историки науки обязаны ставить вопрос о рациональном научном мышлении на тех или иных этапах развития естественных наук. Без привлечения понятия «рационального познания» мы не можем обозначить линию формирования научного естествознания, отделив её от магических практик храмовой медицины, математического оккультизма пифагорейцев и т.п. На примере анализа становления медицины, как наиболее динамично развивавшейся естественнонаучной дисциплины, автор формулирует следующие выводы: во-первых, в VI–IV вв. до н.э. происходит зарождение рационализма в подходах к познанию природы и человека; во-вторых, в практике естествознания (на примере медицины) наблюдается прямое влияние основных натурфилософских школ; в-третьих, история медицины подтверждает выводы, сделанные ранее историками философии о кризисе познания к IV в., обоснованно ставящем в повестку дня вопрос о рационалистической реформе в натурфилософии, решенный позднее Сократом, Платоном и Гиппократом; в-четвертых, в медицине до Гиппократа отсутствует доминирующая эмпирически обоснованная система научных взглядов.*

Ключевые слова: история и философия науки, история медицины, рациональная медицина Древней Греции, Гиппократ.

Существовало ли единство анатомических и физиологических представлений у греческих врачей догиппократовского периода? Это важнейший вопрос, от ответа на который зависит общая оценка истории античной медицины, как одного из этапов на общем пути естествознания к научной революции XVII в. Историки науки должны внимательно анализировать теорию и практику врачей-натурфилософов в поисках точки отсчета рационального подхода к пониманию общей патологии и принципов лечения заболеваний. Общим местом в специальной литературе, посвященной истории естествознания, является признание особого значения в, без малого, тысячелетний период от VI в. до н.э. до III в. именно медицины, как наиболее динамично развивающейся естественнонаучной специальности [1]. Существует единство мнений относительно причины этой роли – выраженность эмпирического компонента исследований и построение теоретических обобщений на этой основе [1–3]. Не случайно одним из наиболее жестких и последовательных критиков софистической и элеатской натурфилософских систем, отличавшихся радикальным скептицизмом и утверждавших непознаваемость материального мира, был именно Гиппократ [4]. В своей критике он опирался на познавательный аппарат медицины, как практической науки. Не случайно в историографии сложилась устойчивая традиция считать

Гиппократа, наряду с Сократом и Платоном, рационалистическим реформатором натурфилософии [2; 5].

Также общепринятым является мнение о том, что первым примером господствующей в науке комплексной анатомо-физиологической теории стала система, предложенная врачом и философом Галеном во II в. [2, 6, 7]. Линию Галена в медицине и натурфилософии принято считать продолжением и оригинальным развитием линии Гиппократа. Относительная неизученность исторического промежутка между созданием «корпуса Гиппократа» и временем творчества Галена делает затруднительными системные выводы. Однако некоторые единичные публикации английских и немецких исследователей создают впечатление доминирования линии Гиппократа на этом временном промежутке. Это доминирование определенно ограничено оппонировавшим влиянием Книдосской школы (как медицинского противника) и натурфилософии Левкиппа-Демокрита (как теоретического соперника). Совершенно не решенным в научной литературе представляется вопрос о наличии системных анатомо-физиологических представлений в догиппократовской медицине. Этот вопрос мало исследован, как нам кажется, по двум причинам. Первая состоит в очевидной скудности источников. Вторая причина лежит в области методологии. Среди историков науки сильно развита

специализация – история физики, история химии, история медицины, история философии и т.д. Это легко объяснимо в комплиментарном смысле – основное внимание привлекают события в естествознании XVIII–XX вв., когда происходило становление современной науки и огромное множество значимых открытий. Разбираться в них без солидной узкопрофессиональной подготовки невозможно – это и обусловило специализированный характер научного подхода. Однако оборотной стороной такого подхода является утрата привычки к использованию методов междисциплинарного анализа, которые особенно необходимы при исследовании науки до XVII в., особенно античности. В VI–IV вв. до н.э., т.е. «догиппократовской эре», медицина, математика, физика лишь зарождаются в лоне натурфилософии, как общей системной дисциплины, эквивалентной в то время понятию естествознания. Трудности в применении междисциплинарного подхода наряду со скудностью источников и являются, на наш взгляд, причиной нерешенности поставленного нами вопроса в научной литературе.

Говоря о накоплении научных знаний, мы обязаны ставить вопрос о рациональном научном мышлении на тех или иных этапах развития естественных наук. Именно так и поступают те наши немногие иностранные коллеги, которые занимаются различными сторонами досократовской истории естественных наук. Одно из наиболее ярких исследований, опубликованных в последние двадцать лет по этой теме, – книга английского профессора Дж. Лонгрига «Рациональная древнегреческая медицина» [3]. Эта постановка вопроса вступает в противоречие с устоявшейся в специальной историографии тенденцией – связывать рациональное мышление с научной революцией XVII в. Научная революция представляется многим историкам науки одновременно и продуктом такого мышления, и стимулом к его дальнейшему развитию. Это, бесспорно, справедливо – особенно, если учесть тот факт, что большинство естественнонаучных специальностей возникло (или дифференцировалось) в результате этой научной революции.

Однако при рассмотрении вопросов развития протонаучного знания – а античная натурфилософия и медицина таковыми и являются – это мнение становится методологической ловушкой. Без привлечения понятия «рациональное познание» мы не можем обозначить линию формирования научного естествознания, отделив её от магических практик храмовой медицины, математического оккультизма пифагорейцев и т.п. На наш

взгляд, важным теоретическим инструментом, позволяющим разрешить обозначенное выше противоречие, является мнение о различных типах рациональности, высказанное наиболее авторитетным отечественным философом и историком науки академиком В.В. Стёпиным [8].

Исходя из этой теоретической предпосылки, мы можем говорить об особом типе рационального мышления древнегреческих врачей – натурфилософов. Тогда можно сформулировать основную линию научного развития в медицине догиппократовского периода – разрыв с грубой языческой мистикой, храмовой медициной и оккультным объяснением причин заболеваний. Им противопоставляются попытки понять болезнь как патологический процесс в организме, вызванный естественными причинами. Из этого вытекают также естественные (физические и химические) методы лечения – диетотерапия, лекарственные средства, хирургическое вмешательство. Именно этот подход мы, солидаризируясь с Дж. Лонгригом, и будем называть рациональной медициной [3, 9]. Принимая мнение о «корпусе Гиппократов» как о первой в истории попытке систематизировать подходы, присущие именно такой медицине, мы в данной работе рассмотрим анатомические и физиологические представления, непосредственно предшествующие «корпусу Гиппократов». Ведь очевидно, что невозможно понять значение Сократа и Платона в истории науки без анализа взглядов досократиков. Кроме того, правильное понимание системы Гиппократов должно быть основано на прояснении взглядов врачей-натурфилософов, ему предшествовавших. Необходимо понять, у кого из ученых VI–IV вв. до н.э. были взгляды, предшествовавшие «корпусу Гиппократов» и, следовательно, составившие его гносеологическую основу, а кто шел по туиковому пути. Это не только и не столько вопрос истории медицины. Частные медицинские взгляды тех или иных крупных врачей античности формировались в общем контексте общетеоретических естественнонаучных представлений – их натурфилософии. Следовательно, их комплексный анализ важен для понимания общих направлений (результативных или нет) развития науки.

Вопрос о связи натурфилософии и медицины в историографии трактуется порой противоположным образом. Так, крупный американский историк науки В. Джонс (W. Jones) в своей работе «Философия и медицина» высказывает мнение, что «ионийская философия не была никоим образом связана с медициной». Он считает, что ионийская физика была «узким полем, занятым размышле-

ниями о первопричине, мировой материи, конечном материале, из которого, как считалось, состояла Вселенная с её бесконечным многообразием» [10]. Другие ученые, в том числе уже упомянутый нами Дж. Лонгригг, видят дело совершенно иначе и говорят о прямом влиянии раннеионийской физики и милетской школы на зарождение рациональной медицины [3].

Напротив, пифагорейство, по мнению W. Jones и его сторонников, сыграло большую роль в истории медицины, прямо повлияв на возникновение Кротонской школы и, в частности, определив взгляды её наиболее известного представителя – Алкмеона. Это мнение основано на очевидных фактах принадлежности Алкмеона к Пифагорейскому союзу, его деятельности и взглядам. В отношении этой оценки в историографии существует относительное единство. Медицинские и натурфилософские взгляды Алкмеона мы разберем ниже – сейчас нам важнее обозначить основные мнения, существующие в литературе относительно врачей и натурфилософов догиппократовского периода.

Промежуточное, между упомянутыми выше, мнение высказывает J. Juanna в своей работе «The Birth of Western medical art». Он видит понятие «*Techne*» в качестве онтологической точки отсчета взаимодействия натурфилософии и медицины: «Разнообразие проблем, поднимавшихся врачами в процессе размышления об их искусстве, и живость дебатов, которая возникала, может быть понята только в контексте интенсивной интеллектуальной деятельности, которая отмечала все аспекты человеческого поведения во второй половине V в. до н.э. Правда, уже в VI в. дух науки развивался в ионийском мире с милетскими философами – Фалесом, Анаксимандром и Анаксименом. Эти философы были главным образом сосредоточены на космологии. Но интересы Пифагора с Самоса в то же время шли уже дальше космологии, касаясь таких предметов, как душа человека и природа жизни тела. Пифагор распространил ионийскую философию в Великую Грецию после своего приезда в Кротон в южной Италии; более того, он был связан со школой медицины в Кротоне. Не ранее середины V в. тем не менее человек становится центральной темой, главным образом благодаря усилиям софистов, историков и этнографов, но также врачей. Это именно тогда греки обнаружили мощь их собственного разума, ставя этот разум в рамки дискуссии именно тогда, когда он обнаружил свою силу, в замечательном климате интеллектуального энтузиазма. В течение этого периода были установлены правила научного знания. Та-

ким образом, мы видим создание всей серии *technai* с середины V в. и до рубежа IV в. Другими словами, целое число произведений установило правила искусства в широком спектре различных областей: в ораторском искусстве, медицине, диететике, кулинарии, гимнастике, борьбе, искусстве верховой езды, архитектуре, скульптуре, живописи и музыке» [11. С. 23–25].

По нашему мнению, в догиппократовский – досократовский период существует единое взаимодополняющее развитие натурфилософии как комплекса естественных наук и медицины как его части.

Следует отдельно отметить абсолютную непроработанность затронутых нами вопросов в отечественной историографии. Это особенно печально на фоне того, что в конце XIX в., когда история науки только начинала формироваться как научная дисциплина, в России жил и работал С.Г. Ковнер. Перу этого автора принадлежит фундаментальный многотомный труд по истории медицины. В нем он совершенно верно рассматривал развитие медицины как части общей истории естествознания. Историю античной медицины С.Г. Ковнер видел в неразрывной связи с натурфилософией, справедливо выделяя те философские школы, которые в наибольшей мере повлияли на прогресс того, что (вместе с рядом наших зарубежных коллег) мы именуем рациональной медициной. Можно прямо сказать, что анализ С.Г. Ковнером античных медицинских и натурфилософских школ превосходил уровень такового у западноевропейских ученых – его современников. К сожалению, эта традиция была прервана и не нашла преемства у историков медицины советского и постсоветского периода [7]. К числу принципиальных недостатков отечественной историографии, вплоть до настоящего времени, мы отнесем следующие: 1) устаревшую методологию презентистского интернизма; 2) прогрессистский подход в духе так называемого виговского подхода к историческому анализу, подвергающийся уничижительной критике на Западе, особенно в последней трети XX в.; 3) определяющее воздействие марксистско-ленинской философии с обязательной категориальностью «идеалистического» и «материалистического», «устаревшего» и «прогрессивного», специфическим образом дополнившей «виговский» подход; 4) примат оценок в духе так называемого научного атеизма в анализе истории науки. Последнее было особенно абсурдно с учетом того, что вплоть до XVII в. не существовало сколько-нибудь внятных секулярных натурфилософских систем – тем самым напрочь

исключался объективный характер рассмотрения религиозно-философских систем, повлиявших в разное время и в разной мере на зарождение науки; 5) следование устаревшей концепции «конфликта» науки и религии, в течение последних 30–40 лет отвергнутой в западной историографии и замещенной сформулированным Дж.Х. Бруком тезисом о «сложности» их взаимоотношений [13]. В той или иной мере все вышеобозначенные недостатки мы можем отнести к любому из наиболее значимых трудов отечественных историков медицины.

Ярким контрастом по отношению к историкам медицины выступают отдельные труды историков и философов, в которых древнегреческая медицина подробно рассматривалась в контексте общеисторических вопросов. Используя слово «отдельные», мы в данном контексте не противопоставляем немногочисленные «хорошие» работы многочисленным «плохим». Речь идет о другом: подробные работы, посвященные досократикам, в принципе, немногочисленны. Из них, в свою очередь, лишь немногих авторы брали на себя труд подробного анализа столь специфического для общего историка античности вопроса, как медицина. Блестящим примером такого анализа является труд Л.Я. Жмудя, посвященный истории пифагорейства [14]. Он содержит отдельную главу, посвященную медицинским трудам членов пифагорейского союза. Профессор Л.Я. Жмудь прекрасно раскрыл этот вопрос, собрав, в целях своего анализа, огромный историографический массив. Мы позволим себе оценить содержащийся в его монографии анализ жизни и творчества Алкмеона как лучший в мировой литературе. Вместе с тем он, так же как W. Jones, видит в Алкмеоне прежде всего натурфилософа-пифагорейца. Поэтому, несмотря на то, что мы охотно ссылаемся на работу Л.Я. Жмудя, выйдем за пределы его анализа – нас Алкмеон интересует прежде всего как врач, в том числе и в сравнительных оценках со своими современниками и последователями (а такой анализ в отечественной научной литературе отсутствует).

Характеризуя основное направление мысли, представляющее собой греческую натурфилософию начиная с VI в. до н.э., мы говорим о естественнонаучных объяснениях процессов, происходивших в окружающем материальном мире. Развитие научной мысли в этом направлении подразумевало решение двух задач: поиск естественных объяснений каждого отдельного наблюдения и формулирование универсальной научной теории, объясняющей всю совокупность этих наблюдений. С этой попыткой универсализации, объяс-

няющей гипотезы, и связана сама идея первоэлемента, лежащего в основе устройства материи, по-разному воплощенная отдельными натурфилософскими школами. Слово «универсальное» мы употребляем в современном науковедческом смысле – объединяющей и объясняющей все известные факты гипотезе, доказанной рациональным путем. Естественно, что универсализм у различных натурфилософских школ был разным, разной была и глубина связи между естественными натурфилософскими объяснениями природных процессов и религией. Так, у пифагорейцев философия незаметно переходила в религиозные практики – например, в части мистического понимания магии чисел [14]. У ранних ионийских физиков это переплетение было не столь глубоким.

Начало истории натурфилософии в историографии принято связывать с основанием Фалесом из Милета ионийской натурфилософии, которую по-другому принято называть «ионийской физикой». Фалес вводит концепцию первоэлемента в качестве универсальной теории, утверждая, что все вещи произошли из воды. Остров Книд находится неподалеку от Милета, это один из многочисленных участков архипелага, колонизированного греками. Книдская (или Книдосская) медицинская школа хорошо известна в литературе, начало её деятельности, в целом, совпадает с развитием милетской школы (или ионийской натурфилософии). Нехватка источников не позволяет нам говорить о четких датах, не сохранились также и архивы Книдосской медицинской школы, по которым можно было бы четко определить характер её внешних связей. Именно с этим обстоятельством и связано отсутствие определенных данных о взаимосвязи Книда и Милета. Однако по косвенным гносеологическим признакам мы можем определить такую связь. Все, что нам известно по скудным источникам, позволяющим судить о направлении развития Книдосской школы, хорошо отражено в историографии [1, 7, 12]. Для этой медицинской школы, по общему мнению историков, было характерно стремление к построению объединяющей медицинской теории. Даже критика Книдосской школы в научной литературе связана с чрезмерной склонностью врачей этой школы к теоретизированию в ущерб эмпирическому познанию. В историографии принято противопоставлять Книдосскую и Косскую школы именно по критерию отношения к практическому знанию. Косская школа – и это в наибольшей степени выражено в «Корпусе Гиппократов» – основывает медицину на накоплении эмпирических знаний и индивидуального подхода к пациенту в

плане диагностики его заболеваний и выборе методов лечения [15]. Для врачей с Книды, напротив, главным был поиск общей теоретической модели болезни, прямо проистекавшей из универсальной натурфилософской теории. Учитывая географическую близость к Милету, интенсивные торговые, политические и социальные связи между ионийскими городами, нам кажется логичным исходить из их тесной связи. Не случайно, что зачатки рациональной натурфилософии возникают именно в греческих колониях – ионийских городах и Великой Греции. Именно в Великой Греции (под этим понятием принято объединять юг Итальянского полуострова и Сицилию колонизированную греками) возникает второе крупнейшее, наряду с ионийской физикой, философское движение – пифагореизм [3, 4, 9, 14].

В истории науки принято считать, что для революционных процессов необходимо совпадение интеллектуальных и социальных предпосылок. По общему мнению специалистов, важнейшей интеллектуальной предпосылкой к возникновению натурфилософского рационализма ионийцев и пифагорейцев стал кризис традиционной греческой религии. С этой позиции развитие революции в философии в бурно развивающихся колониях выглядит очень логично. Вспомним, что представлял собой Милет VI в. до н.э. Бурно растущий, стремительно обогащающийся город был торговым мостом между континентальной Грецией и Востоком. Морская и сухопутная торговля, развитие производств, базировавшихся на доступности всех видов материалов из Греции и с Востока привели к исключительному процветанию Милета (впрочем, как и других городов и островов – Книды не исключение). Достаточно сказать, что, изначально будучи колонией, Милет, в свою очередь, основал около ста колоний во всем Средиземноморском бассейне. Это, кроме всего прочего, обозначало и полиэтничность и мультикультурность самого города – как в любом большом морском торговом центре, в нем жили представители разных народов и религий. Это означало отсутствие в Милете преобладающей власти ортодоксального греческого язычества. Милет был в религиозном плане городом достаточно свободным. Иными словами, в нем существовали условия интеллектуальной свободы и конкуренции различных религиозно-философских течений. Это сочеталось с соответствующими социальными условиями города-республики – политической и общественной свободой и конкуренцией. Еще одна интересная деталь, свидетельствующая о влиянии Милета на Книду, – это ионийский язык медицинской школы.

Историки медицины в общем согласны, что «Корпус Гипократа» написан в IV–III вв. до н.э. и представляет собой свод трудов нескольких различных авторов. Они также соглашались с тем, что «Корпус» – продукт синтеза всего лучшего и современного в медицине того времени, признавая взаимовлияние Коса и Книды. В общем, диалект медицинских школ и медицинской литературы VI–IV вв. до н.э. – ионийский. Между тем Геродот говорит о Косе и Книде как о дорийских поселениях (Книда он даже считает колонией Спарты). Следовательно, язык повседневного общения на обоих островах – дорийский. А научные трактаты пишутся по-ионийски! Крупнейший современный английский историк медицины – Дж. Лонгригг указывает на то, что Галикарнас – родина Геродота – также дорийский город. При этом Геродот сам пишет на ионийском диалекте. По мнению Дж. Лонгригга, это удивительным образом свидетельствует об огромном влиянии ионийской натурфилософии на всю греческую историографию [3, 9].

Схожая социальная и интеллектуальная обстановка складывается и в Великой Греции. Разница лишь в том, что южноиталийские и сицилийские греческие колонии богатеют и развиваются благодаря торговле с Западным Средиземноморьем. Совершенно естественным в подобной ситуации становится развитие нового философского и, как считают многие исследователи, религиозного движения в виде Пифагорейского союза [7, 14, 16].

Формат данной статьи не позволяет нам детально разобрать влияние каждой из натурфилософских школ на практику естествознания. Однако мы попытаемся это сделать кратко на примере медицины, как наиболее динамично развивавшейся естественнонаучной дисциплины. Важнейшим вопросом в целом и каждой дисциплины в отдельности для истории науки на разных её этапах является следующий – была ли предложена универсальная теория? Речь идет о доминирующей системе, обладающей формальными признаками научной теории, подтвержденной соответствующим опытом, удовлетворительно объясняющей этот опыт и имеющей потенциал развития.

Относительно греческой натурфилософии (т.е. естествознания) в целом в историографии мы встречаем широкий разброс суждений. Однако сам факт обилия натурфилософских систем, предполагающих самые разные модели – от различных взглядов на первоэлемент до системного отрицания реальности познания, – говорит в пользу отсутствия доминирующей теории. Также важна оценка влияния этих систем на практическое по-

знание в отношении его системности и верифицируемости.

История догиппократовской медицины VI–IV вв. до н.э. предлагает нам возможность такой оценки. Мы видим различные, порой слабо подтвержденные практикой взгляды на человека и его болезни. Ниже мы предложим систематику этих взглядов, основанную на резюмирующем анализе различных доступных источников.

Такая систематика поможет нам не только оценить развитие натурфилософии VI–IV вв. до н.э., но и понять процесс зарождения греческой рациональной медицины.

По мнению Алкмеона, интеллектуальная деятельность человека осуществляется в головном мозгу. Другой вопрос, непосредственно связанный с предыдущим, касается природы сна – её происхождение волновало многих натурфилософов, в том числе и ввиду мистического восприятия сна как подобия смерти и сновидений, как проявления духовной жизни. Сон, по Алкмеону, наступает в силу отлива крови от мозга в вены, несущие кровь. Семя, по мнению Алкмеона, является производным головного мозга. Эмбриологические процессы трактуются как смешение семени от мужчины и женщины. Пол ребенка определяется тем, чье семя превалирует. Если женского семени больше, рождается девочка, если мужского – мальчик. Питание эмбриона осуществляется всем телом беременной женщины. Соответственно, ввиду главенства мозга среди прочих органов тела, голова, по мнению Алкмеона, развивается внутри утробы матери первой по отношению к другим частям плода [1, 3, 4, 9, 14].

Анаксагор согласен с Алкмеоном в том, что мозг является местом сосредоточения интеллектуальной деятельности. Соответственно, он опережает другие органы во время внутриутробного развития. Однако понимание причины сна у него системное и чисто механическое – это результат общей усталости организма от физической активности. Семя, по его мнению, – продукт жизнедеятельности всего организма, причем только мужского. Женщина только предоставляет место, где семя развивается в плод. Пол ребенка определяется тем, из какого яичка мужчины было извергнуто семя – если из левого, рождается девочка, если из правого – мальчик. Питается эмбрион исключительно через пупок [3, 4].

Гиппон также считает, что интеллектуальные процессы происходят в мозгу, соответственно, голова эмбриона развивается в первую очередь. Мнение Гиппона по поводу сна на основании известных нам источников установить не удалось.

Семя, по его мнению, как влажная субстанция, происходит из костей [3, 9].

Эмпедокл смотрит на основные жизненные процессы существенно иначе. Интеллект, по Эмпедоклу, содержится в крови вокруг сердца. Сердце для него – вообще самый главный орган, внутри утробы оно развивается первым. Питается эмбрион через пупок. При этом семя – это производное крови. Семя производят оба родителя, а пол определяется состоянием матки в момент зачатия – если она холодная, родится девочка, если горячая – мальчик [1, 7, 15].

Диоген в качестве средоточия интеллекта, вслед за Алкмеоном, указывает воздух вокруг мозга. В процессе внутриутробного развития сначала формируется плоть, потом кости и сухожилия. Семя Диоген, как и Эмпедокл, считает производным крови, производят его только мужчины. Питается эмбрион с помощью некоторых выпуклостей внутри утробы. В качестве причины сна он указывает наполнение кровью вен и отлив воздуха от мозга в область груди и живота [3, 15].

Мы видим широкую палитру мнений (порой взаимоисключающих) по основным вопросам медицинского знания.

Выполненный анализ позволяет нам сделать следующие выводы. Во-первых, в VI–IV вв. до н.э. происходит зарождение рационализма в подходах к познанию природы и человека. Во-вторых, в практике естествознания (на примере медицины) наблюдается прямое влияние основных натурфилософских школ. В-третьих, история медицины подтверждает выводы, сделанные ранее историками философии о кризисе познания к IV в., обоснованно ставящем в повестку дня вопрос о рационалистической реформе в натурфилософии, решенный позднее Сократом, Платоном и Гиппократом. В-четвертых, в медицине до Гиппократа отсутствует доминирующая эмпирически обоснованная система научных взглядов.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Lawrence I. Conrad, Neve M., Porter R., Wear A., Nutton V. The Western Medical Tradition: 800 B.C. to A.D. 1800. Cambridge University Press, 1995. 556p.
2. Балалыкин Д.А. Зарождение медицины как науки в период до XVII века. М.: Весть, 2013. 256 с.
3. Longrigg J. Greek Medicine: From the Heroic to the Hellenistic Age A Source Book. Routledge, New York, 1998. 244 p.
4. Балалыкин Д.А., Шок Н.П. Взаимодополняющее развитие натурфилософии и медицины в Древней Греции // Главный врач: хозяйство и право. 2013. № 2. С. 47–52.
5. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. 576 с.
6. Балалыкин Д.А., Шок Н.П. История медицины как предмет научного исследования // Человеческий капитал. 2013. № 4 (52). С. 130–135.

7. *Nutton V.* Ancient medicine. Routledge Taylor & Francis group, London and New York, 2004. 503 p.
8. *Степин В.С.* Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.
9. *Longrigg J.* Greek Rational Medicine: Philosophy and Medicine from Alcmaeon to the Alexandrians. Routledge Taylor & Francis group, London and New York, 2000. 296 p.
10. *Jones W.H.S.* Philosophy and Medicine in Ancient Greece. Johns Hopkins Press, Baltimore, 1946.
11. *Jouanna J.* The Birth of Western medical art // Western Medical Thought from Antiquity to the Middle Ages. Ed. by Mirko D. Grmek. Harvard Univ. Press: Cambridge-London, 1998. P. 23–25.
12. *Ковнер С.Г.* История медицины. Киев: Университетская типография (И. Завадского), 1878. Ч. 1, вып. 1: Медицина Востока. Медицина в Древней Греции до Гиппократов. 198 с.
13. *Брук Дж.Х.* Наука и религия. Историческая перспектива. Библийско-богословский институт Св. Апостола Андрея. М., 2004. 352 с.
14. *Жмудь Л.Я.* Пифагор и ранние пифагорейцы. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 448 с.
15. *Гиппократ.* Сочинения / пер. В.И. Руднева, комм. В.П. Карпова. М.: Медгиз, 1944. Кн. 2. 512 с.
16. *Ferngren Gary B.* The history of Science and religion in the Western Tradition: an encyclopedia. New York: Garland, 2000. 585 p.